

Роскошный человек

24 апреля в 18 часов в Гоголевке состоится вечер памяти художника-наивиста Ивана Егоровича Селиванова. Но тема вечера - "Литературное наследие Ивана Селиванова"

О самобытном художнике Иване Селиванове, жившем в Прокопьевске, сейчас мало кто помнит, а из молодых - мало кто знает. И не столько потому, что время имеет свойство размывать яркие события человеческого бытия, сколько потому, что до сих пор в художественных музеях области нет работ этого художника.

По завещанию самого Ивана Егоровича все его произведения должны храниться в ЗНУИ (Заочном народном университете искусств) в Москве. Нужен ли Селиванов Москве, особенно сейчас? - трудно сказать. А вот здесь, где он прожил последнюю половину своей жизни, Дом-музей такого уникального человека не помешал бы никому.

По рождению северянин, печник из Шенкурского уезда, Иван Егорович прошёл тяготы всех войн и "перестроек" первой половины прошлого века, прежде чем оказался разнорабочим железнодорожником в Прокопьевске. Кончились скитания, и с верной спутницей жизни женой Варюшей Селиванов обосновался в сибирской промышленной провинции, обзавелись домиком и нехитрым подсобным хозяйством. Тогда и рождается в сорокалетнем мужичке-рабочем желание стать художником. Может быть, долго вынашиваемое желание, для исполнения которого нескончаемое кочевье не предоставляло никакой возможности. "Единственное, от чего уберегла его жизнь, - это от лагеря. Всё остальное - было", - как сказал педагог Селиванова из ЗНУИ Юрий Григорьевич Аксёнов, много лет общавшийся со своим учеником через переписку. А "остальное" было с лихвой у всего трудящегося народа - и голод, и холод, и бездомность, и бедность, граничащая с нищетой.

В 1946 году Иван Егорович посылает свои первые рисунки в Комитет по делам искусств в Москве, и его зачисляют в ЗНУИ. Жизнь наконец-то стала наполняться животрепещущими смыслами, как весной цветом пробуждающейся зелени наполняются косогоры и поля, сбросившие под солнцем последние лохмотья снега. Красота природы манила материнской силой и нежностью, красота человеческих лиц заставляла вглядываться и вдумываться в жизнь, искать возможность запечатлеть её.

Врождённая неторопливость и подробность мировосприятия, наблюдательность и любопытство, свойственные Ивану Егоровичу, переполняли его душу замыслами и мечтами о картинах, которые можно было бы написать. А упорство, с которым немолодой полуграмотный работяга из далёкой провинции добивался изобразительной грамотности, было достойно восхищения.

Юрий Григорьевич Аксёнов прекрасно понимал, с какой неординарной личностью свела его педагогическая практика, а ведь Иван Селиванов был ещё и с характером! "Я мужик, который пишет картины промежду хозяйственных делов", - вот какую самооценку даёт он в одном из писем к учителю.

Низкий поклон Юрию Григорьевичу за то, что в этих письмах усмотрел он ещё один дар Селиванова - речь, очень образно-точную, богатую народной премудростью, речь человека-ребёнка, человека целомудренного и цельного. Именно Аксёнов надоумил

Ивана Егоровича вести дневник, когда после смерти Варюши художник, и без того живший очень уединённо, оказался в гнетущем одиночестве.

Так было положено начало ещё одному уникальному явлению - литературному наследию Ивана Селиванова. Удивительно, что в основном это записи сновидений, сотканых неуправляемой памятью из живых картинок детства и скитальческой юности. Через сны проходят очень узнаваемые, но странные люди разных эпох, пережитых Селивановым.

Сны цветные, к цвету всегда художник был очень внимателен: седобрый баба, рыжебрысый мальчик, собака серо-жёлтой масти, лошадь тёмно-каря...

Московская журналистка Нина Григорьевна Катаева, по рождению беловчанка, писала и составляла книгу о Селиванове, и книга была издана в 1990 году издательством "Молодая гвардия" под названием "И была жизнь..."

До сих пор недоумеваю, как возможно жизнь, картины, письма, дневники такой не простой личности, как Иван Селиванов, собрать в одну книгу? Тем не менее она передо мной. Прекрасное издание, прекрасное качество репродукций, великолепно подобранные селивановские тексты - и сочетаемые с его работами на разворотах, и влившиеся в повествование о его жизни, написанное Н.Г. Катаевой.

Прочитанная от корки до корки ещё в 1990-м, она опять раскрылась передо мной с первой страницы и не отпустила, пока я не дочитала до последней. Восемьдесят лет жизни удивительного русского человека, которого умом уж точно не понять; яркого незабываемого художника, по неординарности не раз сравниваемого с Пиросмани; влились в меня полноводной весенней рекой, наполняя берега моей собственной жизни. Памятью: Памятью о детстве, о Родине, о красоте всех живых существ, населяющих землю, на которой довелось жить; в конце концов - памятью о себе. Ведь себя нельзя терять, нельзя забывать, превращаться в безликую функцию. У Селиванова была редчайшая способность - в любых условиях оставаться самим собой. Это - роскошь. И такой роскошный человек жил и творил среди нас.

Из дневниковых записей Ивана Селиванова:

"Хожу на воле, по просторам, подошел к одной пропасти, стою, мечтаю-мыслю, что за яма, конца и края нет у ней, дна совсем не видно, и если край обвалится, тут моя могила. Отвернулся, плюнул и пошел не знаю куда. Иду, мечтаю, не знаю про что. Вот каменный уголь передо мной. Таскают люди этот уголь. Хотя бы совесть поимели, оставили бы мне немножко! Пока мечтал и размышлял, смотрю - угля не стало... День воскресенье, 1 марта 1981 года".

"Зашел в мастерскую столярню. Начальник орет во все горло на подчиненных. Что он кричит? Что он хочет с рабочих своих сорвать и взыскать? Плюнул, повернулся и с думой глубокой пошел. Неужели все подчиненные повинны гаду производственных сил? . . . Не терпит душа, колется и рвется рабочее сердце. Когда же наступит время свободного труда? Невыносимо-невыносимо, невозможно терпеть слова идиотски. Хуже проклятой нагайки. День суббота, 5 декабря 1981 года".

"Вот поляны и ограды, на подводе-дрогах я сажу! Лошадь рыжа тянет дроги помаленьку. Песню грустную я пою... Где-то корова бурой масти на привязи стоит, перед ней охапка сена брошена хозяйкой. Кричит теленок около буренушки голосом протяжным. Воды, наверно, просит. Мать-корова и теленок пить, наверно, хотят. Нерачительна хозяйка скотины. Хошь закричись скотинка, хошь умри, ей, хозяйке, хоть бы хны. Она, наверно, другим делом увлечена - творческой работой. А про скотину - буренку-корову с телком - давно забыла. День пятница, 11 декабря 1981 года".

Татьяна Николаева